Рори Харпер

Кофейная гуща

Соседский кот не ждал его, как обычно, в конце утренней пробежки. В течение последних пяти месяцев, каждое утро, когда Мартин делал последнее усилие на скорости, которое заставляло его тяжело дышать на заднем дворе перед домом, этот бежево-коричневый кот спокойно ждал его, сидя на капоте своей “Ауди”. Они разговаривали и обнимались несколько минут, прежде чем каждый пошел своим путем.

Мартин теперь воспринимал этот утренний ритуал как должное.

Он оглядел сад, затем вернулся, чтобы посмотреть на тротуар. Нет кошачьей тени.

Он немного пошевелил шеей, чтобы ослабить мышцы, затем сжал пальцы ног, чувствуя, как они впиваются в подошвы теннисных туфель. Дыхание выходило из его рта в виде пара в то морозное ноябрьское утро.

- Сюда, парень, иди. - Нет кошки.

Он передразнил стих голодной птички. Обычно кошка сразу же реагирует на этот зов. И на этот раз это тоже сработало. Из-под машины доносилось слабое, дружелюбное мяуканье, почти приглушенное. Мартин перевел взгляд на птичку, и кот выскочил, хвостом почистил переднее колесо и потерся о лодыжку. Он наклонился, чтобы погладить его, но тут же отпрянул.

Кот смотрел на него обиженными глазами и стучал окровавленной лапой по струнам ботинка. Зубы неровно торчали из его израненных губ, давая ему страшную ухмылку. Инстинктивно она оттолкнула его шагомером. Кот вскрикнул, удивился, Странно задрал задние лапы, пытаясь удержать равновесие после полученного удара. Мартину было жаль видеть своего старого друга в таком плохом состоянии. Он наклонился на одно колено и повторил стих птички, но кот не ответил ему после того, как его так резко оттолкнули. Мартин не понимал, почему она не кричит от агонии,как это было. Вместо этого он выглядел странно спокойным и двигался с большой грацией, которая контрастировала с разрывами на морде и глазах. Она повернулась, наклоняясь к нему.

Лучше прижаться, сказал он себе, как встанешь, побежишь. Она протянула к нему руку. Она сжала его пальцы, но он быстро схватил ее за левую заднюю лапу. Кот извивался, извиваясь, освобождаясь от мяуканья. Мартин, неуравновешенный, упал вперед. Он посмотрел на кота, который спрыгнул с тротуара и побежал по улице. Зеленая машина врезалась в него. Мартин увидел испуганный взгляд маленькой девочки за лобовым стеклом. Кот был брошен в нескольких футах от него, прижавшись к дубу, стоявшему между тротуаром и узкой улочкой с другой стороны. На асфальте скрипнули тормоза, затем машина снова ускорилась. Удивленный, он увидел, как она исчезла за углом. Он неуклюже встал на ноги и пересек полосу асфальта и бетона, направляясь к тому бесформенному скоплению, которое лежало на тенистой, наполненной росой траве.

Не раздумывая, он уперся руками в землю, размазывая их порошком брусчатки и кровью, вытекшей из ран кошки. Он не должен был быть живым после удара, который он получил, но вместо этого он был. Тихонько, тихонько отшвырнул в сторону, задыхаясь. Она склонилась над ним. Она пошевелила задними лапами, когда двумя пальцами схватила его за голову. Ни одна новая рана не исказила его тело, ни другая кровь не испачкала его и без того влажную от юмора шерсть.

— Приятно, - сказал Мартин. Потом огляделся, словно на них давила толпа. - Дайте нам дышать, ребята. Всё будет пучком. Отойдите. Я врач. Я разберусь с ним.

Кот лизнул ему палец, вздрогнул и умер.

— Приятно, - повторил Мартин, пожимая плечами. - Ах, блин, милый мой.

Тереза уже была на кухне, готовя завтрак, поэтому она пошла прямо в ванную, чтобы вымыть руки, не будучи замеченной ею; это было лучшее, что можно было сделать.

- Все в порядке, доктор? - спросила она, ставя перед ним тарелку.

Он сделал лучшую улыбку,какую только мог. - Да, хорошо. Я просто думал…

- Я знаю, что ты всегда любишь меня?

- Да. — Он сделал вид, что покусывает ее руку, оставляя на ней след слюны.

— Ой… ты такое животное, - успокаивающе сказала она.

Она бросила его там, где он умер. Он не знал, кому он должен сказать, что они убили его кошку, и у него не было ни времени, ни лопаты, чтобы похоронить его; и в любом случае, мусорщики пройдут через час и, несомненно, увидят его и бросят в живот своего вонючего грузовика, и так будет, как если бы этого кота никогда не было.

Терезе позвонила подруга, когда он заканчивал одеваться, поэтому она подумала, что взглянет на Марко, когда она закончит говорить. Затем он дал бы ей обычный приветственный поцелуй. Она уже повела Марко в лежак в своей комнате. Свет был слабым, и в камине краснели последние угли. Она наклонилась, чтобы посмотреть на сына. Марко было полтора года. Когда его лицо вошло в поле зрения сына, оно медленно всплыло и булькнуло. Они приняли все меры предосторожности. Амниоцентез и сонограммы и постоянный мониторинг одним из гинекологов педиатрического отделения Park Plaza. Она уже потеряла двоих за первые три месяца, прежде чем Марко наконец отправился в порт. Плоды были в целом нормальными, так что казалось, что в ней была неспособность довести их до конца. Что-то раздражающее, но это не слишком беспокоило.

Тереза родила Марко нормально: они только за несколько дней до этого поняли, что его серьезно задержат. Видимо, ничто не казалось поврежденным. Только в его маленьком мозгу не было всех правильных связей. Он был из тех детей, которых называли “бумажными зажимами” в больницах, когда они имели в виду детей, которых они не знали. Небольшой порок развития сердца гарантировал, что это будет бременем для общества или кого-либо еще, не более десяти лет. Он никогда не считался подходящим для трансплантации сердца. Маленький нащупал Мартина, протягивая ему руки. Мартин отпрянул, потирая царапину, которую кошка нанесла ему на правую руку. Он смотрел на камин, в котором до сих пор пылали угли в их пепельной постели, и ни о чем не думал. Когда Тереза вошла, она изо всех сил прижалась губами к влажному лбу сына, прежде чем покинуть комнату с ней.

По дороге в больницу Мартин оказался в пробке среди бесконечного ряда автомобилей. Он бросил взгляд на машину на боковой улице: мужчина за рулем улыбнулся ему и повернулся в другую сторону. У него была неприятная, все еще открытая рана, которая начиналась у него от виска и пробегала вниз по щеке.

Кровь капала ему на плечо пиджака. Мартин уставился на него. Улыбка мужчины погасла, он все еще неловко двигался и смотрел в другое место. Очередь пришла в движение, и машина повернула направо.

Он остановился на стоянке, предназначенной для сотрудников, позади отделения неотложной помощи; он схватил с заднего сиденья белый халат, из большого правого кармана которого торчал серебряный диск стетоскопа. Она втянула его обратно и побежала через пустынный вестибюль, направляясь к лифту. Если повезет, доктор Грэйде, как обычно, опоздал бы на круг и, следовательно, не заметил бы его. Когда подъехал лифт, он рассеянно вошел в кабину и нажал на кнопку пятого этажа. Через некоторое время он взглянул на санитара, жевавшего чевингум позади него, и пациента на носилках рядом с ним. Это была пожилая женщина, морщинистая и сморщенная от смерти. Судя по внешнему виду, она, казалось, умерла в результате страшной болезни и после долгих страданий. Туберкулез? Эмфизема? Он знал, что он не лучший диагност в Park Plaza, но всегда мог попробовать. Под простыней была открыта грудная полость. Они предприняли отчаянную попытку массажа открытого сердца.

Он подошел к ней и натянул простыню на ее лицо.

- Вы снова здесь? — сказал он укоризненным тоном санитару — - помните, что он должен всегда прикрывать их перед выходом. Это абсолютно не должно впечатлять других пациентов.

Санитар судорожно сглотнул жевательную резинку.

- Что это значит? - простонал труп под простыней. Узловатая, узловатая рука вылезла из колтунов и отбросила их назад. - Вы тупой, как клизма, придурок!

Мартин плюхнулся в угол кабины, не в силах дышать.

Две двери открылись, и он выскочил из лифта, ходя вслепую.

- Как тебя зовут, придурок? Я доложу … - двери лифта захлопнулись на этот раздраженный крик.

“Господи, она умерла! Они открыли ее, как проклятый орех!“Он все еще мог чувствовать его вонь, характерный запах, издаваемый только что мертвыми телами. “И он даже оскорбил меня!“Он чуть не задохнулся от того кислого привкуса, который поднимался у него в горле. Он пересек комнату и опустился в розовый

пластиковый стул рядом с медсестрой.

Он взял ее голову в руки, пытаясь контролировать дыхание.

- Вы плохо себя чувствуете, доктор?

Симпатичная, молодая медсестра-мулатка склонилась над ним, обеспокоенная. — Вы очень бледны — - сказал он, - Могу я вам помочь?

Он сглотнул, несколько раз глубоко вдохнул. - Все в порядке. Я просто видел…

Она прервалась, потому что внезапно появилась, как раскрывающийся цветок, пятно темной крови на белом халате медсестры, чуть выше паха.

- Его халат… - сказал он.

- Да, доктор? - Неуверенно улыбнулась она ему.

По бокам ее шеи появились крошечные раны, которые начали медленно кровоточить.

“Я знаю, что это такое”, - подумал он. “На плечах. Я видел его в прошлом месяце в морге. Вы не можете забыть, что это значит. Я проснулся посреди ночи, думая об этом. Признаки изнасилования. Кто-то насилует и убивает ее в это же время. Они делают пустышки на ее шее, как это делают самые порочные. Как те, что я иногда делаю с Терезой. Только мои разные! Она этого не замечала, как не замечала старуха, что умерла!”

Динамик над его головой пробормотал: - доктор Харт в комнате медсестры пять С. доктор Харт в комнате медсестры пять с, Пожалуйста.

Это был код остановки сердца, призыв к автокатастрофе всей команде, которая должна была позаботиться об этом.

— Я должна ответить на звонок, доктор, - сказала медсестра. - Я в этом месяце в дежурную команду. Вы чувствуете себя лучше?

Мартин кивнул. - Теперь все в порядке.

Она убежала, чтобы попытаться спасти другую жизнь. Кровь стекала с Подола халата, оставляя за собой блестящую красную полосу.

Он лежал в постели, смятый, лицом к стене, в маленькой комнате, которую он использовал, когда оставался в больнице. Из-за смены смены в отделении неотложной помощи внутреннему работнику приходилось работать от сорока до пятидесяти часов, эластично. Выходные были худшим. Вы брали всего несколько минут или максимум несколько часов сна, как только могли. Многие интерьеры, особенно неженатые, жили практически в отведенных им подземных кабинах.

“Я не тупой и не сумасшедший, но по какой-то причине у меня галлюцинации, и я вижу людей мертвыми или ранеными, когда это еще не так.”

Он не мог не смотреть, как они пересекают их, направляясь в свою комнату. Большинство из них были пожилыми людьми. Некоторые были опухшими, как будто они были наполнены газом; у других были раны, возможно, из-за операции или чего-то подобного. Очевидно, каждый из них либо умер, либо был ужасно близок к смерти. И он, казалось, был единственным, кто это заметил.

“Может быть, я не вижу их такими, какие они есть сейчас, но как они появятся, когда умрут. Или, может быть, я просто шизофреник. Но я представляю симптомы странного психоза, о котором никогда не слышал.”

Он услышал, как дверь за ним открылась, и испуганно обернулся к своей кровати.

- Вы в порядке, доктор?

Он не сразу узнал ее. Затем он сказал. - О Боже, это ты, Рей.

- Что происходит? — Она прошла в комнату и положила руку ему на плечо.

- Я вижу людей мертвыми.

- Что?

Он и Рэй вместе ходили в школы до окончания учебы. Они также ненадолго пытались стать любовниками после рождения Марка. Но это не сработало; это не было подавляющим чувством, и поэтому они снова стали просто друзьями. Он смущенно рассказывал о своих видениях, не останавливаясь, говорил все быстрее и быстрее.

Она вежливо пожала плечами. - Кончай!

Он замер. - Ты мне не веришь.

Она задумчиво уставилась на него. — Я верю тому, что видишь — - сказал он. - А как я выгляжу?

Он заставил себя улыбнуться. - Ты выглядишь как мертвая женщина, как и все остальные.

- Мертвая как?

- Я вижу тебя как старуху. Действительно старая. У вас наверняка будет очень долгая жизнь. Ты будешь прекрасной бабушкой. - Он решил не упоминать о дыре, которая была у него в горле. Перед смертью они предприняли попытку трахеотомии.

- Послушай, у нас было много смертельных случаев во время этой смены в отделении неотложной помощи, и ты справился с этим больше, чем обычно. Прошлой ночью этот наркоман передозировал. Его подруга привела его сюда, и, неизвестно как, он перевернулся на спину и задохнулся от рвоты. Это ты пытался опорожнить его легкие, не так ли?

Мартин едва заметно кивнул.

— Думай. Затем был и тот старик, несколько дней назад, который упал с лестницы, и ребро пронзило его субклавикулярную артерию.

— Истинный.

- И твой сын. Кстати, это … - она прервалась и похлопала его по боку. - В последнее время мы видели слишком много. Этого достаточно, чтобы кто-нибудь лопнул. Это была ваша первая смена в отделении неотложной помощи, и это был также первый раз, когда один из нас видел, как люди умирали у него на руках. И ты не очень хорошо справляешься со смертью.

Мартин поморщился. - А что, по-твоему, означает этот кризис?

- Вспомни декабрь, когда умер Смайли. Ты не пришел на его похороны.

- Бессмысленный ритуальный варвар.

— Нет. Вместо этого ритуальный варвар, полный смыслов. Это то,

как мы признаем, что люди, которых мы любим, исчезли. Это то, как мы прощаемся с ней. Он был, пожалуй, нашим лучшим другом в средней школе, и вы, когда он ушел из отделения интенсивной терапии, избегали его, как будто он заболел тяжелой болезнью легких. Я никогда не слышал, чтобы вы упоминали его имя после этого. Вы даже не сказали ни слова ее сестре, когда она заплакала в прошлом месяце.

- Это все чушь, Рей! Черт возьми, я вижу вокруг только мертвых людей!

Она положила руку ему на плечо. - Мне очень жаль, и я надеюсь, что смогу понять, из-за чего. Но мы оба знаем, что у вас не срыв, вы слишком ясны, слишком внимательны к людям, местам, времени. Мое профессиональное мнение таково, что вы, как врач, ужасно боитесь смерти. Мы все ненавидим смерть и не хотим иметь с ней дело, но рано или поздно все заболевают и умирают. Вам лучше научиться терпеть это, иначе вам придется начать думать о том, чтобы специализироваться на дерматологии.

- Он улыбнулся. - Я не думал, что ты станешь известным психологом. Когда вы решите поступить в психиатрию?

- Черт возьми, психиатрия. Специалисты по трансплантации зарабатывают в пять раз больше.

- Эта штука меня совершенно сбивает с толку, Рей. Мне не очень нравится видеть вокруг только мертвых людей.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб; затем он обнял ее.

- Я верю. - Он достал из кармана флакон и отвинтил пробку. Он налил себе на ладонь ассортимент капсул и таблеток. - Держи, почему бы тебе не взять пять миллиграммов валиума? Теперь все тихо. Отдохни. Если она не прошла мимо тебя, когда ты просыпаешься, позвони мне, и я внесу тебя в список на собеседование с Белтоном по нейропсихиатрии. Это заставит вас сделать некоторые доказательства или что-то в этом роде, чтобы собрать воедино объективные причины. Наедине, без следа. У нас середина недели, и сегодня вечером нет полнолуния, мы можем справиться даже без такого новобранца, как ты.

— Я отдохну, - сказал он, снова протягивая ей ладонь, полную таблеток. - Без психотропных препаратов. — Он еще немного задержал ее руку, потом отпустил. - Спасибо, Рей.

Она остановилась у двери. - Все будет хорошо, доктор. - Она озабоченно улыбнулась. - Ты мне позвонишь, если, когда проснешься, все равно возникнут проблемы?

— Да. Но я думаю, что со мной все будет в порядке. Благодарю.

Он лежал в шезлонге с закатившимися глазами не менее часа, потрясенный и напряженный. Одежда валялась от пота. Он не мог найти удобную позицию, но слишком нервничал, чтобы продолжать двигаться дальше.

В конце концов он нашел достаточно смелости, чтобы встать с постели. Он быстро посмотрел по обе стороны салона. Никого не видно. Он побежал на короткий отрезок, отделявший его от двери с надписью “мужчины”. Маленькая ванная была пуста. Мартин со стоном посмотрел в зеркало. Он тоже был окончательно мертв. Он постарался рассмотреть ее образ. На самом деле это было не так уж плохо. Он не стал старым обломком, как Рей, но ему определенно было за семьдесят. Его лицо нельзя было спутать с лицом живого человека, но могло быть и хуже. У него все еще было довольно много волос, хотя они теперь были совершенно белыми. Лицо не было повреждено. Он поднял руки. Они были морщинистыми и с несколькими пятнами, определенно вызванными печенью, но в остальном они были в порядке. Он расстегнул куртку, потом рубашку. На тощей груди не было ни ран, ни отверстий. Несмотря ни на что, он был вполне доволен внешним видом своего трупа. “Я выгляжу как старый джентльмен с отчетливым видом. Проблема в том, что у меня все еще есть эти галлюцинации!“Но он знал, что это не галлюцинации. Он видел, что будет с ним через сорок или пятьдесят лет. Он вернулся в салон и направился в отделение неотложной помощи. Спокойствие падало на него, как шелковый шарф. “Я могу справиться с ситуацией. Это просто трупы. Даже не так тяжело для врача.”

Когда он подошел к распашным дверям переулка, доктор Грэд догнал его за спиной. Мартин резко развернулся, но Грээд схватил его за плечо.

- Доктор Вагнер, почему вы сегодня пропустили круг? - Грээд был одним из тех напыщенных баронов, как думают большинство врачей средних лет. Он также все больше становился алкоголиком. Именно поэтому его утренние круги начинались после восьми. Ему было трудно встать и приступить к работе до этого часа.

- Я плохо себя чувствовал, доктор Грэд. Я только что встал. - Грээд выглядел не слишком хорошо, как мертвец. Его глаза были темно-желтыми, как и кожа в кожаном переплете. “Болезнь печени без сомнения. Его печень наконец растворилась из-за всего этого похмелья. Эй, если бы я мог держать галлюцинации под контролем, у меня в руках был бы отличный диагностический инструмент.”

— Пойму. Ну, если она чувствует себя плохо, я думаю,что это место для нее. В будущем я был бы признателен за уведомление, когда вы думаете о дезертирстве.

- Я обязательно сделаю это, сэр. Извините, это больше не повторится. - Грэд повернулся и ушел. Его затылок был уникальным кратером. “Будет ли он приставлять револьвер к горлу и нажимать на курок? Это был бы действительно отличный инструмент диагностики, если бы я мог его контролировать””

За распашными дверями стоял мужчина с сыном. Малышу, казалось, было около пяти лет.

- Доктор, мы долго ждали. Энди упал и поранился. Он плохо себя чувствует, и никто, кажется, не спешит навестить его.

- Ну, я был бы рад … - Мартин уставился на руку, которую сломал ребенок. Убитый ребенок подозрительно смотрел на него. Он не очень доверял взрослым, и по праву. Его лицо было жестоко избито, и несколько ожогов от сигарет в параллельных линиях, как рельсы железной дороги, уходили от его запястья, чтобы добраться до его плеч. Мартин посмотрел на выражение робкого осознания на лице трупа, стоявшего рядом с Энди.

“Кто-то плохо обращается с этим ребенком. Держу пари, что отец его совсем не любит. Еще один экспертный диагноз, доктор? Я не могу этого вынести””

Она развернулась и убежала из больницы.

Мартин ничего не помнил о следующих получасе.

Наконец, измученный, он просто сидел на скамейке в парке и наблюдал, как парад мертвых марширует перед ним. Какая-то темная часть его разума подсказывала ему, что он должен смотреть, что как-то лучше для него. Однако он не чувствовал себя хорошо.

Прошло много людей. Через некоторое время он заметил, что люди пришли в состояние более продвинутого разложения. Гнилая плоть падала с их тел, когда они пересекали улицу на каждом светофоре. Суспензия вытекала из их конечностей каждый раз, когда они улыбались или когда они ели свои бутерброды, сидя перед фонтаном, который стоял на несколько шагов впереди своей скамьи.

Зловоние усиливалось. Он с трудом поднялся со скамейки, тащась по площади, пока не достиг ряда густых кустов, посаженных по периметру офисного здания. Он решительно отодвинул ветки, чтобы развернуться, затем развернулся и сел спиной к стене.

Целый город умирал и распадался вокруг него. Он свернулся калачиком, прижавшись лицом к подмышке настолько, что дышал только сквозь ткань куртки. Но он не мог сдержать вонь. С сильно закрытыми глазами он визуализировал гниющие газы, которые выдыхались и бродили в жару дня, на многие мили вокруг него. Может быть, даже по всему миру.

Все они были мертвы, все мертвы. Совершенно мертвые. И каждый из них, рано или поздно, ужасным или тихим образом, был окончательно мертв.

Как бы он умер. И Тереза. И всех, кого он знал и любил.

И Марко тоже умер бы, даже раньше других.

Он свернулся калачиком еще плотнее в позе плода. Он не мог любить Марко, потому что он был неизлечимо больным. Не нужно было беспокоиться о тех, кто все равно умрет.

В отделении неотложной помощи их называли “кофейной гущей”. Они не теряли ни энергии, ни драгоценного времени для безнадежных. Их намеренно депортировали, и это было сделано в лучшем случае только для тех, у кого был шанс сделать это.

И он вычеркнул Марко из своей жизни.

Поэтому она позволила ему, почти не принимая во внимание, умереть в своем шезлонге у камина.

Запах смерти стал настолько сильным,что он подумал, что непременно отравится. Можете ли вы, оставаясь окруженным всей этой смертью, избежать смерти? Он смотрел в зеркало и был

очень стар и дряхл, но, возможно, это была хорошо организованная ложь. Возможно, он мог умереть сейчас, став гражданином города мертвых вместе со всеми остальными.

Постепенно зловоние стихло. Едва заметив это, он снова зашагал по кустам, чтобы взглянуть. Запах полностью исчез.

Улицы были заселены движущимися скелетами. Куски связок и мускулатуры все еще были прикреплены к суставам нескольких из них, но даже этот посторонний материал вскоре растворился и упал, пока каждый скелет не сверкнул чистым; и каждый отполированный череп отражал полуденное солнце.

“Почему они такие блестящие? Кто-то, должно быть, отполировал эти кости”.

Он вышел из кустов, пытаясь удержаться на ногах.

Один из скелетов остановился перед ним, попытался продолжить, но колебался.

- Вы в порядке, сэр? — церкви.

— Хорошо, спасибо, - сказал Мартин, - спасибо за интерес. - Он сделал вид, что стоит и смотрит двумя орбитальными отверстиями, как будто это обычное дело. Улыбающийся череп смущенно покачнулся, затем скелет ушел, звеня своими делами.

— Думаю, я уйду домой, - сказал себе Мартин, когда тот ушел. - У меня был очень плохой день, но я больше не боюсь. - Скелет ускорил шаг.

Вскоре все скелеты начали терять свой блеск и стали грубыми и рябыми. Постепенно они перестали двигаться и оставались неподвижными, шаткими. Сначала сами по себе, потом последовательными волнами они начали падать, превращаясь в нечеткие груды костей.

- Я не боюсь, потому что мы все должны умереть. Все мы, - заорал Мартин.

Кости рассыпались, и белая пыль начала порхать тут и там, унесенная ветром.

- Поэтому справедливо, что ты любишь моего сына, даже если он должен умереть, потому что все мы умрем.

Пыль поднималась длинными спиралями к небу.

- И поэтому я буду любить его, пока он жив.

Но он говорил ни к чему, когда последняя спираль поднималась высоко, за облака.

Он шел к дому через тихий, пустой мир. Это заняло у него остаток дня, но он не устал, когда свернул на угол своего дома.

Он прошел длинными шагами по тротуару и вошел в дом.

Он перестал свистеть, когда дверь кухни открылась, и Тереза пошла ему навстречу.

- Мартин! — воскликнуть. - Что, черт возьми, с тобой случилось? Ты весь запылен.

Он осторожно снял куртку и уронил ее на пол рядом с собой. Она подошла к нему так близко, что коснулась его тела. Он взял ее на руки и прижал к себе.

Она тоже обняла ее. Он погрузился лицом в ее волосы и глубоко вздохнул. Приятный запах Терезы наполнил его ноздри.

— Я скучала по тебе, - сказала она. - Я так тебя люблю.

Она рассмеялась и закашлялась. - Держу пари, ты сказал то же самое всем своим женам.

- О да. Всем.

- Ты в порядке? Ты выглядишь странно.

- Все в порядке. - Он пристально смотрел на нее. Никаких смертельных следов нигде не было ни на лице, ни на теле. - У меня был ужасный день, но сейчас я в порядке.

- Если ты так говоришь, почему бы тебе не надеть на себя что-нибудь чистое, пока я закончу готовить ужин? Потом ты расскажешь мне о своем ужасном дне.

- Да, хорошо. - Разговор прозвучал так банально, нормально и обнадеживающе, что она чуть не вскрикнула от радости.

Она прошла в зал, Прежде чем переодеться. Он не обратил на это внимания, но к вечеру температура, должно быть, упала, потому

что Тереза уже зажгла огонь в камине.

Она подошла к лежаку и посмотрела на Марко. Сын ответил на ее взгляд без выражения.

— Прости, - прошептал Мартин. - Отныне я буду очень любить тебя. - Осторожно поднял руку Марко.

Марко вцепился ему в плечи и дважды всхлипнул. Пухлые маленькие ручки ребенка начали наматываться на ткань отцовской рубашки.

Мартин вежливо отмахнулся от него и глубоко захохотал, как счастливый мурлыкающий кот. Она подняла его выше плеч, чтобы он мог хорошо видеть в лице своего любимого сына. Когда она смотрела на него, это хрупкое маленькое тело сморщилось и почернело.

Волосы, легкие, как перышко, начали дымиться, затем полутемное пламя полностью окутало его тело. Глаза разжижились, стекая по щекам.

Мартин уставился на него, затем повернул взгляд к огню.

Когда он увидел, как он умирает, Марко, похоже, не был на несколько лет старше и не был сильно воспитан, так что все это произойдет очень скоро.

Возможно, он только что научился ходить один. Не имело значения, как это произошло. Он упал в огонь, который поглотил его. Это была бы слишком долгая смерть, мучительная агония, пока огонь не поглотил ее маленькие легкие и не обжарил ее нежную плоть.

Ужасная, ужасная смерть для ребенка, который не сделал ничего плохого, чтобы заслужить ее. Он не мог допустить, чтобы такое случилось с его сыном, которого он теперь любил.

Мартин не мог удержаться от рыданий, спасая Марко. Тереза появилась в дверях, когда он заканчивал. - Мне показалось, что я услышал плач Марка.…

Мартин поднял подушку с лица сына. Марко изо всех сил боролся. “Возможно, он оценил мою помощь”, - подумал Мартин.

Она медленно повернулась и кивнула. - Все в порядке, дорогая. Я

думал, что это плохо, видя все эти мертвые люди вокруг, но я был неправ. Потому что теперь я знаю, что спас его от боли.

Она улыбнулась, когда он отошел, чтобы показать ей. - Это было нелегко, но мне удалось это сделать, потому что я любил ее.

Мартин двинулся к камину. За его спиной заплакала Тереза.

Он поднял свои старые дрожащие руки, прижав их к пламени.